

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(1): 115-124
 DOI: 10.13187/bg.2023.1.115

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Attitude of the Russian Intelligentsia to Values and Lifestyles of the Western European Society in the 19th century

Alexander G. Gryaznukhin ^{a,*}, Tatyana V. Gryaznukhina ^a, Anna P. Dvoretzkaya ^a, Anna S. Zhulaeva ^a

^a Siberian Federal University, Russian Federation

Abstract

The problem of national identity in Russia of the 19th century manifested itself in the need to understand its place in the conglomerate of cultures, and to determine the nature of its relations with the European civilization. This study analyzes the attitudes of the Russian intelligentsia toward the values and lifestyles of the Western European society. The study is based on the analysis of memoirs and scientific works of representatives of the Russian intelligentsia, who greatly influenced the public opinion and had a significant impact on the formation of national identity. The lack of a unified position among the Russian intelligentsia about the nature of the relationship with European civilization led it to split into two camps, the Slavophiles and the Westerners, which greatly complicated the solution of the issue of national identity. This paper analyzes the Russian public's sources of information about life abroad. These include both personal contacts during European travels and published memoirs. The periodical press and scientific works, such as N. Danilevsky's book "Russia and Europe", played an important role in the formation of the image of Europe. The desire of Russians to visit Europe and learn as much as possible about it was opposed by the official authorities, who did not welcome active Russian-European contacts for ideological reasons. Our analysis of the sources and works of present-day authors has shown that, despite the difference of beliefs, the Russian intelligentsia perceived Europe as a single cultural and historical space, quite different from Russia. The Russian intelligentsia determined the nature of its relations with Europe depending on its perception of the country's past development, which differed greatly among its representatives.

Keywords: Russia of the 19th century, intelligentsia, Europe, lifestyle, identity, values, memoirs, westerners, slavophiles.

1. Введение

Формирование культурно-исторических, экономических и политических связей между цивилизациями России и Европы являлось предметом многих исследований, не потерявших своей актуальности и в наши дни. История вопроса помогает понять и объяснить характер отношений, сложившихся на современном этапе развития, а также проанализировать трансформацию образа Европы в глазах россиян с течением времени.

Общественное мнение о Европе начинает складываться в России с конца XVIII – начала XIX вв. Большое значение в формировании отношения русского общества к европейским реалиям сыграла Отечественная война 1812 г. Это грандиозное по своим масштабам событие затронуло практически все население России. Оккупация французами части российской территории, а затем заграничные походы русской армии способствовали установлению многочисленных контактов с европейцами. И вполне естественно, что это повлияло на формирование образа Европы у русского населения в

* Corresponding author

E-mail addresses: agagag@mail.ru (A.G. Gryaznukhin), tag-kras@mail.ru (T.V. Gryaznukhina), advoreckaya@mail.ru (A.P. Dvoretzkaya), annzhul@mail.ru (A.S. Zhulaeva)

целом. Царское правительство при этом не поощряло установления более тесных отношений с зарубежьем, опасаясь разлагающего влияния западного свободомыслия. С целью ограничения межкультурных контактов была установлена довольно высокая плата за заграничный паспорт. В 1840-х годах она составляла 500 рублей. Это существенно ограничивало возможности выезда за рубеж. Освобождало от платы только свидетельство доктора о необходимости лечения за границей (Панаева, 1986: 118). Поездки за границу были редкостью, и о них, как правило, сообщалось в газетах. Так «Московские ведомости» трижды напечатали объявление о поездке А. Герцена в Италию и Германию с целью лечения жены (Славин, 1986: 77). В свете этих ограничений за граница для русской общественности становилась еще более привлекательной. Иностранцев, в свою очередь, охотно принимали в обеих столицах. В Петербурге укоренилась мода давать вечера с итальянскими певцами, итальянская опера в России становилась все более популярной.

Информация о европейском образе жизни проникала и распространялась в общественной среде России несколькими путями. Весьма значимую роль в этом сыграли путешествия как с целью удовлетворения интеллектуальных и эстетических запросов, так и с целью поправки здоровья. А.Г. Достоевская писала: «Перед восхищенными глазами открывался целый, мне неведомый доселе мир», «моя любознательность была вполне удовлетворена посещением соборов, музеев, картинных галерей» (Достоевская, 1987: 221). Несомненно, что не одна Анна Григорьевна испытала чувства восторга и восхищения перед памятниками истории и искусства, перед природой, столь непохожей на русскую. Этим своеобразием и непохожестью на Россию Европа и привлекала русских путешественников. Целями поездок за границу могли являться предпринимательская деятельность или официальные поручения правительства. Так, вояж Н.И. Греча по Европе в 1837 г. был связан с изучением опыта ремесленных школ для применения его в России. Официальная часть поездки при этом соединялась с личными мотивами: путешествие давало ему возможность отвлечься от печальных мыслей по поводу смерти сына. Необходимо учитывать и роль политической эмиграции в формировании российского взгляда на европейские ценности. Деятельность Герцена, Огарева, Бакунина во многом способствовала формированию определенного образа Европы у россиян. Для прогрессивно настроенной общественности «далекая революционная Европа в ореоле 1830 г. должна была показаться обетованною страной», – писал А. Герцен (Герцен, 1964: 370). Образ Европы для русских либералов ассоциировался с образом свободы.

Степень объективности мемуарной литературы определить довольно сложно. Для этого необходимо рассматривать каждое конкретное воспоминание. Одни авторы писали, не задумываясь о впечатлении, которое их свидетельства производили на читателя. Другие, опасаясь обвинения в предвзятости, старались подчеркнуть свою объективность. Так, в предисловии к своим письмам Н. Греч указывал: «Ссылаюсь на всех, бывших во Франции в недавнее время, и на самих французов» (Греч, 1839: VI). Знакомство с наиболее значимыми и интересными свидетельствами современников той эпохи об их контактах с западноевропейцами, а также анализ работ современных исследователей позволяют составить объективное представление о восприятии европейского зарубежья российской интеллигенцией XIX века.

2. Материалы и методы

Источниковой основой исследования являются воспоминания, письма, записки, дневники представителей русской интеллигенции XIX в., документы Российского государственного архива литературы и искусства (Москва, Российская Федерация) и Государственного архива Российской Федерации (Москва, Российская Федерация).

Методологической базой исследования являются общенаучные принципы научной объективности и историзма и специальные исторические методы. Проблемно-хронологический метод позволил рассмотреть формирование цивилизационных связей между Россией и Европой в XIX в. в их последовательности с учетом исторических закономерностей. Историко-генетический метод дал возможность проследить генезис и трансформацию национальной идентичности авторов мемуаров через призму социально-культурных русско-европейских реалий XIX в. Идеографический метод позволил выделить культурно-исторические феномены из индивидуальных особенностей исторических фактов. Историко-биографический метод был направлен на анализ жизненных обстоятельств и общественно-культурной деятельности авторов воспоминаний.

3. Обсуждение

Решить проблему определения национальной идентичности, которая наиболее остро проявилась в России XIX века и не утратила по сей день своей актуальности, помогают воспоминания и мемуары современников той эпохи. Большую помощь в этом могут оказать воспоминания П. Анненкова (Анненков, 1989), который, будучи знаком со многими литераторами, достоверно передавал их искания в духовной жизни, касавшиеся межкультурных взаимоотношений. Воспоминания А. Панаевой (Панаева, 1986) содержат ценные сведения о литераторах, сотрудничавших с журналом «Современник», и их взаимоотношениях с западноевропейцами. Подробно о пребывании за границей со своим мужем Ф. Достоевским повествует в воспоминаниях

А. Достоевская (Достоевская, 1987). Глазами политического эмигранта представлена Европа в произведении А. Герцена «Былое и думы» (Герцен, 1964). Научное видение проблемы взаимоотношений с европейской цивилизацией представлено в трудах Н. Данилевского, Т. Грановского (Данилевский, 2008; Грановский, 1900). Официальная позиция власти относительно межкультурных контактов с Европой нашла свое отражение в записках Н. Греча (Греч, 1839; Греч, 2013). Свое мнение о жизни за границей, которую он прекрасно знал, неоднократно в своих письмах высказывал И. Тургенев (Тургенев, 1978). Его писательской деятельности, сыгравшей большое значение в формировании общественного сознания, посвящена книга Ю. Лебедева «Тургенев» (Лебедев, 1990). Идейные искания А. Герцена, анализ его личных контактов с представителями русской и зарубежной общественности нашли свое отражение в книге Л. Славина «Ударивший в колокол» (Славин, 1986).

О неослабевающем интересе к рассматриваемой в статье проблеме свидетельствуют публикации современных исследователей. История развития русского европеизма рассмотрена в работе В. Щукина (Щукин, 2002). Процессу европеизации русской культуры посвящен труд В. Семиной и Т. Баженовой (Семина, Баженова, 2007). К истокам формирования русского мира в своей статье обращается М. Мосейкина (Мосейкина, 2015). Идейным воззрениям Т. Грановского, оказавшим большое влияние на формирование общественного сознания, посвящены работы Кирсановой (Кирсанова, 2014) и Соколова (Соколов, 2014). «Путевые письма из Англии, Германии и Франции» Н. Греча рассмотрены в контексте литературы путешествий XIX века в статье М. Аксеновой (Аксенова, 2020). Вопросы сотрудничества Греча с III Отделением нашли отражение в труде А. Рейтблата (Рейтблат, 2018). Эволюция взглядов И. Киреевского в отношении западноевропейских ценностей стала предметом исследования в работах А. Калугина и Г. Тереховой (Калугин, Терехова, 2011), О. Ионайтис (Ионайтис, 2017), А. Судакова (Судаков, 2011). Деятельности И. Тургенева, рассмотренной в контексте диалога русской и французской культур, посвящено исследование И. Карантеевой (Карантеева, 2008). Стереотипное восприятие Франции в дневниках русских путешественников описано в статье Е. Развозжаевой (Развозжаева, 2016). Специфика аристократического туризма и представление о Европе русских путешественников проанализированы в работах А. Калякиной (Калякина, 2017), С. Шатохиной (Шатохина, 2019). Роль российской и сибирской интеллигенции в формировании социокультурного пространства, вопросы идейных исканий, формулирования национальной идентичности в России XIX в., взаимоотношений с иностранными путешественниками отражены в ряде статей авторов данной работы (Gryaznukhin, Gryaznukhina, 2015; Gryaznukhina et al., 2020; Gryaznukhin et al., 2021; Gryaznukhina et al., 2021).

Осознание своей национальной идентичности во многом помогает определить перспективные пути развития страны в целом. Формируется же оно преимущественно благодаря пониманию места, которое Россия занимает в системе мировых цивилизаций. Поэтому тема, освещающая вопросы отношения русской интеллигенции к ценностям западной культуры, не теряет своей актуальности и нуждается в дальнейших исследованиях.

4. Результаты

О том, какой представлялась Европа в глазах россиян XIX века, свидетельствуют многочисленные воспоминания и мемуары представителей российской интеллигенции. Посещая Европу с разными целями, возвратившись назад, они делились своими впечатлениями с близкими и знакомыми, формируя тем самым определенное понятие о европейской жизни. Сегодня эти воспоминания являются неоценимым источником, дополняющим исторические факты личностным восприятием людей, живших в ту эпоху. Совершенно особое место в этом плане занимают воспоминания П.В. Анненкова. Являясь литературным критиком, он имел возможность общаться с выдающимися представителями русской интеллигенции. Его воспоминания представляют особую ценность, поскольку повествуют не только о бытовой стороне заграничной жизни, но в большей степени рассматривают восприятие европейской культуры русской интеллектуальной элитой. Неоднократно бывая за границей, он встречался там с русскими литераторами, отражая в своих воспоминаниях их отношение к зарубежью. Личное знакомство Анненкова с Н.В. Гоголем позволило ему описать заграничные вояжи писателя, который, часто выезжая за границу, буквально колесил по Европе в поисках душевного успокоения и, видимо, нигде не находил его. Гоголь не любил французской литературы, да и к самому народу симпатии не питал. Эти его чувства вполне разделял и художник А. Иванов, хотя и не в столь категоричной форме. Он считал, что «писать без веры религиозные картины – это безнравственно, это грешно: я не надивлюсь на французов и итальянцев, – разбирая по камню католическую церковь, они наперехват пишут картины для ее стен. Этого я не могу, нет, никогда, никогда!» (Герцен, 1964: 380). Иванову предлагали выгодные заказы, но без веры, с сомнением в душе писать он не мог, хотя и испытывал большую материальную нужду. Не в этом ли бесконечном поиске смыслов, гармонии с собой и миром заключается суть миропонимания лучших представителей русской интеллигенции, до сих пор не понятая Западом, руководствующимся только принципом выгоды? Нелюбовь Гоголя к зарубежной литературе, включая немецкую и английскую за исключением В. Скотта, происходила, скорее всего, из ее незнания. Мольера он стал читать только

после того, как на недопустимость такого пренебрежения к писателю указал ему Пушкин. Согласно Анненкову, Гоголь в одном из писем писал: «Германия есть не что другое, как самая неблагоприятная отрыжка гадчайшего табаку и мерзейшего пива» (Анненков, 1989: 62). Годы, проведенные Гоголем в Италии, усилили его разочарование европейской цивилизацией. Не жаловал за границу и А. Писемский, который утверждал, что испытывает отвращение к иностранцам, которое не может победить в себе. Он заявлял: «Присутствие иностранца действует на меня уничтожающим образом: я лишаюсь спокойствия духа и желания мыслить и говорить» (Анненков, 1989: 467).

К 40-м годам у русской публики возрос интерес к европейским делам, она стала читать иностранные газеты. Если раньше даже события 1830 г. не вызывали особого интереса, то теперь конфликтные отношения между Францией и Англией за влияние на Египет стали темой для обсуждения самых широких кругов населения. Все больше подданных стало выезжать за рубеж с туристическими целями. Однако, как отмечал Анненков, «русская интеллигенция полюбила не современную, действительную Францию, а какую-то другую – Францию прошлого, с примесью будущего, то есть идеальную, воображаемую, фантастическую Францию» (Анненков, 1989: 179). Париж на русских действовал опьяняюще. Кружила голову свобода общественной жизни. Анненков сравнивал это ощущение города с чувствами путника, «вышедшего из голой степи к давно ожидаемому источнику» (Анненков, 1989: 274). Бурная общественная жизнь, литература, смелые идеи Прудона, Фурье, Бланка разделялись интеллигенцией, находили свое отражение в русской печати, объединяя сторонников европейских ценностей. Последовательным пропагандистом этих идей являлся В. Белинский. Много надежд он связывал с развитием Европы, но, подобно многим русским, оказавшись за границей, испытал разочарование, столкнувшись с европейскими обывателями и увидев, что эти люди не имеют ни малейшего представления об идеях, рожденных своей интеллектуальной элитой. Его единомышленники даже переживали, что, вернувшись из-за границы, Белинский начнет распространять свои скептические взгляды относительно европейской культуры (Анненков, 1989: 347). Знакомство с реальной европейской жизнью отрезвляюще действовало на образованную русскую интеллигенцию. Дурманящее чувство свободы у А. Герцена, когда он впервые оказался за границей, так же быстро сменилось разочарованием. Он открыл для себя новый Запад, который погряз в мещанстве. «Проживши год другой в Европе, мы с удивлением видим, что вообще западные люди не соответствуют нашему понятию о них, что они гораздо ниже его...» (Славин, 1986: 260). «Оконченная, замкнутая личность западного человека, удивляющая нас сначала своей специальностью, вслед за тем удивляет односторонностью. Он всегда доволен собой, его самонадеянность нас оскорбляет. Он никогда не забывает личных видов» (Герцен, 1964: 291).

С некоторыми бытовыми аспектами заграничной жизни нас знакомят воспоминания А. Панаевой. В 1857 г. она поехала на морские ванны для оздоровления. Осенний Берлин показался ей похожим на Петербург. На улицах было много военных и все как бы на одно лицо «с неподвижным гордым выражением лица» (Панаева, 1986: 125). Через М.Л. Огареву Панаева познакомилась с другом И.В. Гёте Беттиной фон Арним, которая организовала благотворительное общество. Однако светские дамы Берлина неохотно жертвовали на благо неимущих. И всех поразила щедрость и великодушие русской барыни Огаревой, сделавшей крупные пожертвования (Панаева, 1986: 127). Сдержанность, порой даже скупость не только материальная, но и духовная со стороны иностранцев, отмечалась многими русскими путешественниками. Примером черствости и бессердечия швейцарцев может служить событие, случившееся с Достоевскими. В Женеве у супругов умерла дочь. Семью постигло огромное горе, соседи знали об этом, однако «прислали просить, чтобы я громко не плакала, так как это действует им на нервы», – писала в своих воспоминаниях Анна Григорьевна (Достоевская, 1987: 200). Люди, безусловно, обладают разными моральными и нравственными качествами. Но все же в России с трудом можно представить подобную ситуацию даже со стороны явных мерзавцев, ведь общественное мнение было бы не на их стороне и это заставляло бы их скрывать свои чувства. В Европе подобное поведение не противоречило общепринятым нормам.

По дороге в Париж Панаевы познакомились с Джузеппе Гарибальди, восхищаясь его патриотизмом и самоотверженной борьбой за независимость Италии. Ф. Достоевский, мимолетно видевший Гарибальди в Женеве, нашел его чрезвычайно симпатичным, а улыбку доброй (Достоевская, 1987: 188). В Париже, куда приехали Панаевы, все русские обедали в дешевом ресторане, обсуждая дела европейские и новости из России. Нелицеприятную характеристику Панаева давала В. Боткину, который во всех видел шпионов, изо всех сил старался казаться парижанином, стыдился говорить по-русски, так как русских считали в Европе дикарями (Панаева, 1986: 131). К сожалению, В. Боткин был не одинок в своей негативной оценке всего русского и в преклонении перед всем иностранным, олицетворяя собой вполне определенную часть русских, желавших «европеизироваться», искусственно трансформируя свою идентичность. Иной представляется позиция самой А. Панаевой по отношению к иностранцам. Так, приехавший в Россию в 1858 г. А. Дюма непременно желал познакомиться с редакторами и сотрудниками журнала «Современник». Панаева, на плечи которой легли заботы о приеме писателя и его свиты, называла его многочисленные посещения не иначе как «нашествием французов». Она не повествует ни о своем отношении к творчеству Дюма, ни о содержании бесед между литераторами. Все в воспоминаниях

сводится к описанию бесцеремонных визитов писателя, которые приводили ее «в негодование». «Дюма был для меня кошмаром в продолжении своего пребывания в Петербурге, потому что часто навещал нас, уверяя, что отдыхает у нас на даче» (Панаева, 1986: 239). Как видим, у Панаевой не было раболепного преклонения перед Дюма только потому, что он француз, хотя подобное отношение писатель часто встречал среди русских и мог считать это за норму. Панаеву не прельщала и мысль о том, что вся Европа будет читать о ней, знакомясь с путевыми заметками Дюма.

Большое значение в формировании образа Европы у образованной части российского общества имели научные труды, посвященные вопросам взаимоотношения между двумя цивилизациями. Огромную роль в этом сыграл труд Н.Я. Данилевского «Россия и Европа», вышедший в 1871 г. Отстаивая свою точку зрения о том, что существуют лишь локальные цивилизации, развивающиеся по своим собственным законам, особо выделяя романо-германский и славянский типы культур, ученый противопоставляет их друг другу. По его мнению, основы цивилизации, ее ментальность не могут передаваться другому типу культуры. Этот тезис помогает читателю осознать самобытность своей культуры, определиться со своей идентичностью. Данилевский считал, что славянская цивилизация не является агрессивной, так как благодаря влиянию православия в ней общественное начало всегда преобладало над личным. Европа же, «не признавая нас своими», в славянах видит только враждебное начало. И поэтому «вешатели, кинжалщики и поджигатели становятся героями, коль скоро их гнусные поступки обращены против России. Защитники национальностей умолкают, коль скоро дело идет о защите русской народности» (Данилевский, 2008: 64). О всех несправедливостях по отношению к России и русским «Европа не знает, потому что не хочет знать, или, лучше сказать, знает так, как знает хочет, то есть как соответствует ее предвзятым мнениям, страстям, гордости, ненависти и презрению» (Данилевский, 2008: 65). Мнение Данилевского считалось в России авторитетным. Ознакомление читающей публики с его трудами способствовало формированию у нее по отношению к Европе чувства настороженности и недоверия. Тезисы Данилевского о том, что менталитет определяет характер культуры в целом, не противоречил выводам, сделанным в ходе обычной повседневной жизни. Мать Анны Григорьевны Достоевской была шведкой, «смотрела на жизнь западным, более культурным взглядом», она боялась, что «вложенные воспитанием добрые навыки» исчезнут под влиянием «русской беспорядочно-гостеприимной жизни». Сама Анна Григорьевна, считая себя русской, а Россию – своей родиной, противопоставляла русский национальный характер, с его открытостью и великодушием, «немецкой и английской хладнокровности и расчетливости» (Достоевская, 1987: 162). Эти черты, присущие европейцам, А. Достоевская противопоставляла увлекающейся, эмоциональной натуре своего мужа. Ее мнение относительно различия менталитетов европейцев и русских разделялось большинством населения России.

Научная деятельность Т.Н. Грановского, его блестящие лекции по истории европейского Средневековья возбуждали интерес и желание познакомиться с западной культурой. Идеи ученого способствовали формированию либеральной идеологии в России, ориентированной на привнесение на российскую почву западных ценностей. Среди его слушателей были будущие лидеры либерального движения К. Кавелин, Б. Чичерин, историк С. Соловьев. Идеалом для Грановского была свобода воли. Он считал, что без свободы невозможно развитие общества в целом. Государственное же устройство крепостной России явно не соответствовало этим идеалам. Вместе с тем публичные выступления ученого, его статьи формировали уважительное отношение к власти. Его убежденность в необходимости сильной власти была основана на анализе западноевропейской истории. К этому выводу он приходит, работая над докторской диссертацией о деятельности аббата Сугерия, которая в значительной мере способствовала формированию монархии во Франции и преодолению феодальной анархии. Основываясь на полученных знаниях, Грановский также утверждал, что «монархическое начало лежит в основе всех великих явлений русской истории» (Грановский, 1900: 30). Таким образом, научные концепции Грановского, основанные на анализе европейской культуры, способствовали формированию в среде русской интеллигенции либеральных идей, ориентированных на западные ценности. Однако жизнь внесла свои коррективы и во взгляды Грановского. Всю жизнь он пропагандировал гуманистические ценности Европы. Но после разгрома в ходе Крымской войны Севастополя англо-французскими войсками ученый стал задаваться вопросом, насколько эти ценности отвечают реальности.

Рассматривая печать как мощное средство воздействия на общественное сознание, нельзя не остановиться на деятельности талантливого литератора И.В. Киреевского. Лекции, прослушанные в 1830 г. в Берлинском университете, произвели на него большое впечатление и определили отношение к европейской культуре в целом. Недаром журнал, задуманный им, стал называться «Европеец». Название имело вполне определенное значение и выражало идеи его редактора. Журнал состоял из пяти разделов: «1. Наука. 2. Изящная словесность. 3. Биографии знаменитых современников. 4. Критика. 5. Смесь: Библиография, известия, замечания о литературе и науках, о русских и иностранных театрах, новости...» (ЦГАЛИ. Ф. 236. Оп. 1. Д. 5. Л. 1). Киреевский считал Россию «необразованной, грубой, китайски-неподвижной». И поэтому со страниц журнала он призывал русскую интеллигенцию обратиться к просвещению своего отечества, опираясь на

европейский опыт. «Просвещение у нас распространяться не может иначе, как с распространением иностранного образа жизни, иностранного платья, иностранных обычаев, которые сближают нас с Европой физически и, следовательно, способствуют и нашему нравственному и просвещенному сближению» (Европеец, 1989: 108). Как видим, на ранних этапах своей деятельности Киреевский признавал преимущества западного образа жизни, отстаивая позитивный характер западного влияния. Смысл своей деятельности он видел в том, чтобы «поравняться с остальной Европой». Запрещение журнала «Европеец», приведшее к тяжелому душевному кризису, общение со старцами Оптиной Пустыни послужило поводом для переосмысления действительности и формированию новой мировоззренческой позиции, основанной на осознании особенностей православной веры, что в свою очередь привело к пересмотру западных ценностей. Новые идеи, связанные с приобщением к православию, легли в основу формирования концепции славянофильства, которая предлагала уже совершенно другой взгляд на западную культуру. Критикуя западный рационализм, славянофилы выступали не за подражание Западу, а за усвоение его достижений в соответствии с национальной культурой. Выступая за традиционализм, незыблемость православной веры, сохранение общины, самодержавие, патриархальные формы жизни, они не отвергали такие либеральные ценности, как отмена телесных наказаний, реформы, отмена цензуры, модернизация экономики.

Идейный раскол в среде интеллигенции на западников и славянофилов предопределил разное отношение к ценностям западной культуры. Решительным проводником западных ценностей являлся И.С. Тургенев, популярность которого способствовала его большому влиянию на различные общественные слои России. Мировоззрение будущего писателя во многом сформировалось под влиянием философии Шеллинга и Гегеля, которая внушала русской молодежи 30-х годов веру в возможность разумного преобразования мира. Общение с Грановским оказало влияние на его нравственное развитие. Не принимая крепостной действительности, он горячо поддерживал реформы Александра II. Называя себя убежденным западником и утверждая, что Россия является частью Европы, Тургенев, однако, не терял веры в русскую самобытность. Убежденность его в отсталости цивилизации России от Европы основывалась на сравнении положения писателя там и здесь, на возможности последнего влиять на общественное мнение. Однако сама вера Тургенева в разумное преобразование мира, как основной постулат европейской культуры, постепенно подвергался им сомнению как в результате споров с оппонентами, так и под влиянием процессов реальной жизни. На то, что рационалистическое начало ведет к нравственному и духовному оскудению Запада и что «начала западного просвещения чужды русской жизни», внимание Тургенева обращает Хомяков (Лебедев, 1990: 285). Постепенно и сам писатель замечает, что Европа погрязла в мещанстве. Так, он пишет из Парижа А.Н. Островскому: «Все здесь измельчалось и изломалось. Простоты и ясности и не ищи; все здесь хитро и столь же бедно, нищенски бедно сколь хитро» (Лебедев, 1990: 337). В декабре 1856 г. он пишет С. Аксакову, что «общий уровень нравственности понижается с каждым днем – жажда золота томит всех и каждого – вот вам Франция!» (Лебедев, 1990: 338). Высказывания Тургенева не противоречат мнению Анненкова, который, посетив Европу в очередной раз в 1858 г., писал, что стремление к роскоши там было всегда, «но с Наполеона III оно забыло все приличия», «на улицах европейских городов шел постоянный пир и праздник. Вид общего благосостояния обманывал туристов» (Анненков, 1989: 395). Герцен с горечью констатировал, что под влиянием мещанства все изменилось в Европе. Стоящий на консервативных позициях Греч в унисон либеральному лагерю утверждал, что во Франции «грубый материализм, неуважение к старшим, своекорыстие, исключительное поклонение деньгам – представляются на каждом шагу» (Греч, 1839: VI). Но не все были способны за внешней мишурой и блеском разглядеть симптомы надвигающегося кризиса. Франко-прусская война пошатнула веру Тургенева в европейскую цивилизацию. Он все больше убеждается в том, что русских не понимают, что налицо нравственная и психическая разница между русскими и европейцами. И если русский вечно копается в своей душе, решая нравственные вопросы, то европеец идет по проложенному руслу, действуя согласно установленным формулам, опираясь на национальное самодовольство и мещанскую расчетливость. Длительное пребывание писателя за границей формирует у него ощущение оторванности от родины и приводит к нравственному кризису. В письме к Е. Ламберт он признается: «Мне тяжело жить во Франции – где поэзия мелка и мизерна, природа положительно некрасива, музыка сбивается на водевиль или каламбур – а охота отвратительна» (Тургенев, 1982–1991: Т. 4: 241). Мнение Тургенева как знатока европейской культуры имело большое значение для формирования стереотипного образа европейца в сознании русской интеллигенции. Роман «Отцы и дети», в котором он рассматривал нигилизм как явление западной культуры в контексте российской действительности, произвел на русскую публику громадное впечатление. Не оставляя никого равнодушным, он во многом способствовал размежеванию общества на сторонников и противников обозначившихся в России общественно-политических тенденций. Представление о нравах и быте Франции у русского читателя складывалось во многом благодаря переводам Тургеневым романов Золя, Мопассана, Флобера. Можно отметить, что Флобер свою известность как писатель получил благодаря переводам Тургенева первоначально в России, а потом уже во Франции.

Выразителем официального взгляда правительства на социально-экономические процессы, происходившие за границей, можно считать Н.И. Греча. Будучи публицистом и издателем, он постоянно находился в центре литературной и общественной жизни страны. Греч оставил богатое литературное наследие. Его «Письма из Англии, Германии и Франции» вышедшие в 1839 г., содержат подробные сведения о европейской жизни. В них он касался вопросов образования, театральной жизни, особенностей архитектуры, положения писателей и издательского дела, особенностей политического устройства. По замыслу писателя записки должны были носить публичный характер, так как он считал, что «журналы и ведомости во всех просвещенных землях признаются лучшим средством к направлению общего мнения, к искоренению вредных вестей и слухов и к распространению полезных мыслей». Далее он пеняет на то, что у нас «существует какая-то неутолимая страсть находить дурным всё, что ни делает правительство, чернить и унижать его меры и из самого добра высасывать зло» (ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 1. Ед. 1881).

Как представитель консервативного лагеря, стоявший близко к правительственным структурам, он выступал против представительного правления, которое «не ведет к добру», «обращает во зло самые благие намерения правительств». Посетив Парижский парламент, Палату депутатов, он приходит к выводу, что «личная выгода и тщеславие суть главные движители всех здешних действий» (Греч, 1839: 229). Франции, которая после революции 1830 г. предала все свои нравственные идеалы и основной ценностью которой стало потребление и обогащение, он противопоставляет Англию, которая чтит свою историю и закон. Связывая падение нравов во Франции с событиями 1830 г., Греч подводит читателя к мысли о пагубном влиянии революции на общество в целом и, исходя из европейского опыта, предостерегает о недопустимости подобного в России.

5. Заключение

Проблема с определением своей идентичности, решение вопроса «свой-чужой» определяли культурную ситуацию в России XIX века. В контексте разрешения этой проблемы в обществе возник интерес к мемуарам, воспоминаниям, научным трудам, освещавшим различные аспекты зарубежной жизни. Именно они являлись теми средствами, при помощи которых личные впечатления становились достоянием общества и формировали его восприятие Европы. Большую роль в формировании массового сознания, основанного на определенных стереотипах, сыграла периодическая печать. На основе неверно сформированных стереотипов делались неправильные выводы и умозаключения как относительно отдельных представителей, так и европейской культуры в целом. Идеализация европейских ценностей и образа жизни при более близком с ними знакомстве приводила русскую интеллигенцию к разочарованию, разную степень которого испытали практически все побывавшие за рубежом, причем политические воззрения путешественников не играли здесь какой-то определяющей роли. Анненков, Тургенев, Герцен, Белинский, Данилевский, Хомяков, Достоевский, Киреевский, Греч имели разное представление о характере взаимоотношений с Европой, принадлежали к разным общественно-политическим течениям, однако все сходились во мнении, что материальные ценности и жажда обогащения стали преобладающими факторами в сознании европейцев. Умозаключения эти они сделали на основе как личных бытовых контактов, так и в результате анализа социальной жизни Европы в целом. Общим для всех русских, как выезжавших за рубеж, так и никогда не покидавших своей страны, являлось восприятие Европы как особого региона со своими специфическими культурно-экономическими связями, весьма отличными от российских. Европа, несмотря на ее многообразие, воспринималась в России как единое целое. Обособленность России от Европы не подвергалась сомнению никем. Для русской интеллигенции главным являлся вопрос о национальной идентичности, в основе которого лежало понимание своеобразия своей культуры. Исходя из этого, она стояла перед выбором характера отношений с Западом. Осознание русской интеллигенцией места, которое Россия занимала в системе европейских цивилизаций, во многом предопределяло политическую и социально-экономическую программу развития государства в целом.

Литература

- Аксенова, 2020 – Аксенова М.В. «Путевые письма из Англии, Германии и Франции» Н.И. Греча в контексте русской литературы путешествий XIX века // *Палимпсест. Литературоведческий журнал*. 2020. № 3(7). С. 7-21.
- Анненков, 1989 – Анненков П.В. Литературные воспоминания. М., 1989.
- Баженова, Семина, 2008 – Баженова Т.П., Семина В.С. Сущность европеизации русской культуры // *Аналитика культурологии*. 2008. № 10. С. 174-185.
- Герцен, 1964 – Герцен А.И. Избранные произведения. М., 1964. 434 с.
- Грановский, 1900 – Грановский Т.Н. Сочинения. М., 1900. 659 с.
- Греч, 1839 – Греч Н.И. Путевые письма из Англии, Германии и Франции. Ч. 1. СПб., 1839. 254 с.
- Греч, 2013 – Греч Н.И. Путевые письма из Англии, Германии и Франции. Ч. 2. М., 2013. 290 с.
- Данилевский, 2008 – Данилевский Н.Я. Россия и Европа: взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. М., 2008. 816 с.

- Достоевская, 1987 – Достоевская А.Г. Воспоминания. М., 1987. 544 с.
- Европеец, 1989 – Европеец, журнал И.В. Киреевского. М., 1989. 536 с.
- Ионайтис, 2017 – Ионайтис О.Б. И.В. Киреевский: жизнь после «Европейца» // *Известия Уральского федерального университета*. 2017. Сер. 3. Т. 12. № 4(170). С. 152-161.
- Калугин, Терехова, 2011 – Калугин А.С., Терехова Г.Л. Философские идеи И.В. Киреевского о западноевропейском рационализме и русской православной цельности // *Вестник ТГТУ*. 2011. Т. 17. № 3. С. 878-883.
- Калякина, 2017 – Калякина А.В. Русский аристократический туризм в Европе (вторая половина XIX в.) // *Вестник Моск. ун-та*. Сер. 19. 2017. № 4. С. 178-187.
- Карантеева, 2008 – Карантеева И.Л. И.С. Тургенев в диалоге русской и французской культур // *Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова*. 2008. № 1. С. 243-247.
- Кирсанова, 2014 – Кирсанова Е.С. Личность историка на пересечении мнений о старых и новых подходах к изучению творчества Т.Н. Грановского // *Диалог со временем*. 2014. № 47. С. 36-47.
- Лебедев, 1990 – Лебедев Ю.В. Тургенев. М., 1990. 608 с.
- Мосейкина, 2015 – Мосейкина М.Н. У истоков формирования русского мира (XIX – начало XX века) // *Сова*. 2015. № 4(27). С. 179-193.
- Панаева, 1986 – Панаева (Головачева) А.Я. Воспоминания. М., 1986. 512 с.
- Развозжаева, 2016 – Развозжаева Е.В. Франция в дневниках и заметках русских путешественников конца XIX – начала XX вв. // *Новейшая история России*. 2016. № 1. С. 164-182.
- Рейтблат, 2018 – Рейтблат А.И. Наблюдательный наблюдатель: Н.И. Греч и III отделение // *Литературный факт*. 2018. № 10. С. 108-164.
- Семина, Баженова, 2007 – Семина В.С., Баженова Т.П. Феномен «русского европейца» в контексте русской культуры XVIII – середины XIX веков // *Аналитика культурологии*. 2007. № 8. С. 221-232.
- Славин, 1986 – Славин Л.И. Ударивший в колокол: повесть об Александре Герцене. М., 1986. 463 с.
- Соколов, 2014 – Соколов А.Б. Идеиные и идеологические воззрения Тимофея Грановского // *Ярославский педагогический вестник*. 2014. № 1. Т. 1. С. 34-39.
- Судаков, 2011 – Судаков А.К. «Особенность России»: Иван Киреевский о русской идее и русской беде // *Вестник Русской христианской гуманитарной академии*. 2011. Т. 12. Вып. 3. С. 159-173.
- Тургенев, 1978 – Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. М., 1978.
- Шатохина, 2019 – Шатохина С.Б. Русские путешественницы в Европе в середине XIX – XIX вв. // *Вестник Брянского государственного университета*. 2019. № 2. С. 115-121.
- Щукин, 2002 – Щукин В.Г. Историческая драма русского европеизма // *Вестник Европы*. 2002. № 4. С. 15-37.
- РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства.
- ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.
- Gryaznukhin et al., 2021 – Gryaznukhin A.G., Gryaznukhina T.V., Karchaeva T.G., Akhtamov E.A. Conservatism as an Alternative Form of Civilizational Development of Russia after the Great Reforms // *Bylye Gody*. 2021. 16(3): 1299-1307.
- Gryaznukhin, Gryaznukhina, 2015 – Gryaznukhin A.G., Gryaznukhina T.V. Siberian Intelligentsia in Socio-Cultural Space of Russia at the Turn of XIX–XX Centuries // *Bylye Gody*. 2015. 38(4): 972-981.
- Gryaznukhina et al., 2020 – Gryaznukhina T.V., Gryaznukhin A.G., Malyutina L.F., Belgorodskaya L.V. (2020). Historical Stereotypes of Foreign Travelers about Russia of the XIXth century // *Bylye Gody*. 56(2): 595-603.
- Gryaznukhina et al., 2021 – Gryaznukhina T.V., Gryaznukhin A.G., Malyutina L.F., Akhtamov E.A. Russian Liberalism in the 19th century: an Attractive Course of Development or a Road to National Tragedy // *Bylye Gody*. 2021. 16(2): 652-660.

References

- Aksenova, 2020 – Aksenova M.V. (2020). «Putevye pis'ma iz Anglii, Germanii i Francii» N.I. Grecha v kontekste russkoj literatury putesthestvij XIX veka [“Travel Letters from England, Germany and France” by N.I. Grech in the context of Russian Travel Literature of the XIX century]. *Palimpsest. Literaturovedcheskij zhurnal*. 3(7): 7-21. [in Russian]
- Annenkov, 1989 – Annenkov, P.V. (1989). *Literaturnye vospominaniya* [Literary memoirs]. Moscow. 688 p. [in Russian]
- Bazhenova, Semina, 2008 – Bazhenova, T.P., Semina, V.S. (2008). Sushchnost' evropeizacii russkoj kul'tury [The essence of the Europeanization of Russian culture]. *Analitika kul'turologii*. 10: 174-185. [in Russian]
- Danilevskij, 2008 – Danilevskij, N.Ya. (2008). Rossiya i Evropa: vzglyad na kul'turnye i politicheskie otnosheniya slavyanskogo mira k germano-romanskomu [Russia and Europe: a look at the cultural and political relations of the Slavic world to the Germanic-Romance]. Moscow. 816 p. [in Russian]

- [Dostoevskaya, 1987](#) – *Dostoevskaya, A.G.* (1987). *Vospominaniya* [Memories]. Moscow. 544 p. [in Russian]
- [Evropeec, 1989](#) – *Evropeec*, zhurnal I. V. Kireevskogo [The European, the magazine of I. V. Kireevsky]. Moscow. 1989. 536 p. [in Russian]
- [GARF](#) – Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii [State Archive of the Russian Federation].
- [Gercen, 1964](#) – *Gercen, A.I.* (1964). *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. Moscow. 434 p. [in Russian]
- [Granovskij, 1900](#) – *Granovskij, T.N.* (1900). *Sochineniya* [Essays]. Moscow. 659 p. [in Russian]
- [Grech, 1839](#) – *Grech, N.I.* (1839). *Putevye pis'ma iz Anglii, Germanii i Francii*. Ch. 1 [Travel letters from England, Germany and France. Part 1]. Saint-Petersburg. 254 p. [in Russian]
- [Grech, 2013](#) – *Grech, N.I.* (2013). *Putevye pis'ma iz Anglii, Germanii i Francii*. Ch. 2 [Travel letters from England, Germany and France. Part 2]. Moscow. 290 p. [in Russian]
- [Gryaznukhin et al., 2021](#) – *Gryaznukhin, A.G., Gryaznukhina, T.V., Karchaeva, T.G., Akhtamov, E.A.* (2021). Conservatism as an Alternative Form of Civilizational Development of Russia after the Great Reforms. *Bylye Gody*. 16(3): 1299-1307.
- [Gryaznukhin, Gryaznukhina, 2015](#) – *Gryaznukhin, A.G., Gryaznukhina, T.V.* (2015). Siberian Intelligentsia in Socio-Cultural Space of Russia at the Turn of XIX–XX Centuries. *Bylye Gody*. 38(4): 972-981.
- [Gryaznukhina et al., 2020](#) – *Gryaznukhina, T.V., Gryaznukhin, A.G., Malyutina, L.F., Belgorodskaya, L.V.* (2020). Historical Stereotypes of Foreign Travelers about Russia of the XIXth century. *Bylye Gody*. 56(2): 595-603.
- [Gryaznukhina et al., 2021](#) – *Gryaznukhina, T.V., Gryaznukhin, A.G., Malyutina L.F., Akhtamov, E.A.* (2021). Russian Liberalism in the 19th century: an Attractive Course of Development or a Road to National Tragedy. *Bylye Gody*. 16(2). Pp. 652-660.
- [Ionajtis, 2017](#) – *Ionajtis, O.B.* (2017). I.V. Kireevskij: zhizn' posle «Evropejca» [I.V. Kireevsky: life after the "European"]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta*. Ser. 3. T. 12. 4(170): 152-161. [in Russian]
- [Kalugin, Terekhova, 2011](#) – *Kalugin, A.S., Terekhova, G.L.* (2011). Filosofskie idei I.V. Kireevskogo o zapadnoevropejskom racionalizme i russoj pravoslavnoj cel'nosti [I.V. Kireevsky's Philosophical Ideas on Western European Rationalism and Russian Orthodox Wholeness]. *Vestnik TGTU*. T. 17. 3: 878-883. [in Russian]
- [Kalyakina, 2017](#) – *Kalyakina, A.V.* (2017). Russkij aristokraticeskij turizm v Evrope (vtoraya polovina XIX v.) [Russian aristocratic tourism in Europe (the second half of the XIX century)]. *Vestnik Mosk. un-ta*. Ser. 19. 4: 178-187. [in Russian]
- [Karanteeva, 2008](#) – *Karanteeva, I.L.* (2008). I.S. Turgenev v dialoge russoj i francuzskoj kul'tur [Turgenev in the dialogue of Russian and French cultures]. *Vestnik KGU im. N.A. Nekrasova*. 1: 243-247. [in Russian]
- [Kirsanova, 2014](#) – *Kirsanova, E.S.* (2014). Lichnost' istorika na peresechenii mnenij o staryh i novyh podhodah k izucheniyu tvorchestva T.N. Granovskogo [The personality of the historian at the intersection of opinions about old and new approaches to the study of T.N. Granovsky's work]. *Dialog so vremenem*. 47: 36-47. [in Russian]
- [Lebedev, 1990](#) – *Lebedev, Yu.V.* (1990). Turgenev [Turgenev]. Moscow. 608 p. [in Russian]
- [Mosejkina, 2015](#) – *Mosejkina, M.N.* (2015). U istokov formirovaniya russskogo mira (XIX – nachalo XX veka) [At the origins of the formation of the Russian world (XIX – early XX century)]. *Sova*. 4(27): 179-193. [in Russian]
- [Panaeva, 1986](#) – *Panaeva (Golovacheva), A.Ya.* (1986). *Vospominaniya* [Memories]. Moscow. 512 p. [in Russian]
- [Razvozzhaeva, 2016](#) – *Razvozzhaeva, E.V.* (2016). Franciya v dnevnika i zametkah russskikh puteshestvennikov konca XIX – nachala XX vv. [France in the diaries and notes of Russian travelers of the late XIX – early XX centuries]. *Novejshaya istoriya Rossiya*. 1: 164-182. [in Russian]
- [Rejtblat, 2018](#) – *Rejtblat, A.I.* (2018). Nablyudatel'nyj nablyudatel': N.I. Grech i III otdelenie [Observant observer: N.I. Grech and the III department]. *Literaturnyj fakt*. 10: 108-164. [in Russian]
- [RGALI](#) – Rossijskij gosudarstvennyj arhiv literatury i iskusstva [Russian State Archive of Literature and Art].
- [Semina, Bazhenova, 2007](#) – *Semina, V.S., Bazhenova, T.P.* (2007). Fenomen «russskogo evropejca» v kontekste russoj kul'tury XVIII – serediny XIX vekov [Russian European phenomenon in the context of Russian Culture of the XVIII – mid-XIX centuries]. *Analitika kul'turologii*. 8: 221-232. [in Russian]
- [Shatohina, 2019](#) – *Shatohina, S.B.* (2019). Russkie puteshestvennicy v Evrope v seredine XIX–XIX vv. [Russian travelers in Europe in the middle of the XIX–XIX centuries]. *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2: 115-121. [in Russian]
- [Shchukin, 2002](#) – *Shchukin, V.G.* (2002). Istoricheskaya drama russskogo evropeizma [Historical drama of Russian Europeanism]. *Vestnik Evropy*. 4: 15-37. [in Russian]
- [Slavin, 1986](#) – *Slavin, L.I.* (1986). Udariвшij v kolokol: povest' ob Aleksandre Gercene [The One who Struck the Bell: the Story of Alexander Herzen]. Moscow. 463 p. [in Russian]

Sokolov, 2014 – Sokolov, A.B. (2014). Idejnye i ideologicheskie vozzreniya Timofeya Granovskogo [Ideological and ideological views of Timofey Granovsky]. *Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik*. 1(1): 34-39. [in Russian]

Sudakov, 2011 – Sudakov, A.K. (2011). «Osobennost' Rossii»: Ivan Kireevskij o russkoj idee i russkoj bede [Russian feature: Ivan Kireevsky on the Russian idea and the Russian trouble]. *Vestnik Russkoj hristianskoj gumanitarnoj akademii*. T. 12. Iss. 3. Pp. 159 – 173. [in Russian]

Turgenev, 1978 – Turgenev, I.S. (1978). Polnoe sobranie sochinenij i pisem v tridczati tomach [Complete works and letters in thirty volumes]. Moscow. [in Russian]

Отношение русской интеллигенции XIX в. к ценностям и образу жизни западноевропейского общества

Александр Григорьевич Грязнухин ^{a, *}, Татьяна Владимировна Грязнухина ^a,
Анна Павловна Дворецкая ^a, Анна Сергеевна Жулаева ^a

^a Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

Аннотация. Проблема определения национальной идентичности в России XIX столетия проявилась в необходимости понимания своего места в конгломерате культур, в определении характера отношений с европейской цивилизацией. Предметом исследования является анализ отношения русской интеллигенции к ценностям и образу жизни западноевропейского общества. Исследование основано на анализе мемуарной литературы, воспоминаний, научных трудов представителей русской интеллигенции, имевших большое влияние на общественное мнение и оказавших значительное воздействие на формирование национального самосознания. Отсутствие единой позиции среди русской интеллигенции по вопросам характера взаимоотношений с европейской цивилизацией привело ее к расколу на два лагеря, славянофилов и западников, что существенным образом осложняло решение вопроса национальной идентичности. Рассмотрены источники получения российской общественностью сведений о жизни за границей. К ним относятся как личные контакты в ходе европейских путешествий, так и опубликованные мемуарные впечатления. Большое значение в формировании образа Европы сыграли периодическая печать и научные труды, посвященные данной проблематике, например книга Н. Данилевского «Россия и Европа». Желание россиян посетить Европу и как можно больше узнать о ней встречало противодействие официальной власти, которая не приветствовала активных русско-европейских контактов по идеологическим соображениям. Анализ источников и трудов современных авторов показал, что, невзирая на различие убеждений, русская интеллигенция воспринимала Европу как единое культурно-историческое пространство, весьма отличное от России. Характер отношений с Европой русской интеллигенцией определялся в соответствии с ее представлением о прошлом развитии страны, которое у разных ее представителей было весьма различно.

Ключевые слова: Россия XIX в., интеллигенция, Европа, образ жизни, идентичность, ценности, мемуары, западники, славянофилы.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: agagag@mail.ru (А.Г. Грязнухин), tag-kras@mail.ru (Т.В. Грязнухина), advoreckaya@mail.ru (А.П. Дворецкая), annzhul@mail.ru (А.С. Жулаева)